

Сюэ Сянь представил себе эту картину — и тут же почувствовал невыразимую боль в весьма уязвимом месте. Боль заставила забыть обо всём остальном. Он убрал руку обратно в потайной карман и сквозь белую холстину изо всех сил щипнул лысого монаха, мысленно пригрозив: «Если посмеешь отдать — где бы ты ни был, на небесах или в преисподней, я тебя найду!»

Сюань Минь: «...» Как этот негодник умудряется быть таким пройдохой?

Сюэ Сянь боялся, что туповатый монах не поймёт намёка с одного лишь щипка. Поэтому, пока глупец Лю Чун отвёл взгляд, он незаметно перевернулся, чтобы нарисованная сторона бумажной оболочки смотрела вверх. Глаза, тронутые тушью, теперь пристально и прямо уставились на лысого монаха.

Рисунок, конечно, не мог сравниться с живым человеком. Тем более художественный талант Сюэ Сяня тянул разве что на «сносно», до одухотворённости было далеко. Поэтому и глаза вышли куда менее выразительными, чем настоящие.

Сюань Миня щипнули довольно сильно. Он холодно опустил взгляд, намереваясь проучить наглеца, но вдруг встретился глазами с нарисованными зрачками из кармана. Получилось совершенно неожиданно.

Эта поза «кверху пузом» в сочетании с бесстрастными чёрными глазами создавала впечатление «незакрытых глаз покойника».

Сюань Минь: «...»

За свою жизнь он собрал немало демонов и злых духов — не сказать чтобы очень много, но и не мало. Большинство до поимки были дерзкими, а после — становились почтительными, покорно ждали, пока их не отпустят. Но Сюэ Сянь оказался первым, кого и после поимки не унять: вёл себя как дома и то и дело норовил что-нибудь устроить.

Сюань Минь чувствовал, что каждое слово и действие этого негодника будто выписаны яркими красками — один мог разыграть целое представление.

Его взгляд лишь на миг задержался на бумажной оболочке, а затем он двумя пальцами вытащил её из кармана.

Сюэ Сянь: «...» Я с тобой не покончил!

Пальцы Сюань Миня совсем не походили на пальцы человека, скитающегося по улочкам и переулкам. Они были прямыми, длинными, изящными и такими чистыми, будто никогда не касались грязи. Не похожи на пальцы монаха, выросшего в горном храме, и уж тем более — странствующего монаха. Скорее уж на пальцы изнеженного аристократа.

Но в тот момент Сюэ Сянь не обратил на это внимания — да и времени не было.

Сюань Минь, держа бумажную оболочку двумя пальцами, приблизил её к Лю Чуну.

Сюэ Сянь: «...» Впредь, когда буду призывать гром, буду гнаться за тобой! Буду бить каждый день, с утра до вечера!

— Это? — бесстрастно спросил Сюань Минь у Лю Чуна.

Сюэ Сянь: «...» Если не превращу тебя, лысого монаха, в обугленную шкуру — пусть меня зовут

«четвероногим червяком»!

— Угу, — Лю Чун энергично кивнул, вновь расплывшись в глуповатой улыбке.

Сюэ Сянь: «...» Чему обрадовался, дурак?

Когда глупец уже протянул руку, чтобы взять бумажную оболочку, Сюань Минь покачал головой. Его лицо по-прежнему оставалось невозмутимым.

— Нельзя.

Вот молодец, вовремя опомнился.

Сюэ Сянь, до этого момента бушевавший внутри, наконец облегчённо выдохнул. Напряжённая бумажная оболочка мгновенно обмякла, безжизненно повиснув на пальцах Сюань Миня — из полураспластанной превратилась в полностью обвисшую.

Лю Чун очень внимательно смотрел на Сюань Миня, снова кивнул, но на лице его отразилось сожаление. Он совершенно не разбирался в человеческих отношениях, не ведал, что такое «деликатность» или «утаивание». И потому сожаление его было написано на лице открыто.

У глуповатых людей все движения чуть медленнее, чем у обычных, — менее ловкие, но более сильные. И когда они смотрят на человека, говорят или кивают, делают это с особой старательностью.

Неуклюже, но оттого особенно трогательно.

Сюэ Сянь, болтаясь, как мокрая лапша, на пальцах Сюань Миня, скользнул взглядом по лицу Лю Чуна и больше не смотрел. Ему казалось, что этот дурак, наверное, ядовит — может заразить своей глупостью. Боялся, что стоит посмотреть ещё раз — и сам, сломя голову, кинется в его руки.

Вот было бы веселье!

Впрочем, его поразило другое: лысый монах, кажется, был ещё прямолинейнее этого глупца. Он не только полностью проигнорировал сожаление на лице Лю Чуна, но и без лишних церемоний направился в его комнату.

К счастью, перед входом монах всё же вспомнил о «приличиях» и кивнул глупцу в знак согласия.

Сюэ Сянь: «...» Слово лишнее смертельно опасно. Если этот дурак поймёт значение кивка — я твою фамилию приму.

Его насмешливый внутренний смех ещё не успел затихнуть, как Лю Чун уже вернулся в комнату и, радостно помахав рукой, сказал:

— Заходи!

Прямо как ребёнок, нашедший товарища для игр.

Сюэ Сянь: «...»

Он скривился, будто от зубной боли, и подумал: «Пожалуй, лучше просто повисну».

Этот негодник, которого Сюань Минь то и дело встряхивал в руке, наконец смирился и успокоился.

Полуоткрытая дверь была распахнута Лю Чуном настежь, и внутреннее убранство комнаты предстало перед всеми во всей красе — жёлтых бумажных слитков «юаньбао» было куда больше, чем видел ранее Сюэ Сянь. Они лежали не только у двери — беглый взгляд позволял понять, что во всей комнате почти не осталось места, куда можно было бы ступить.

Советник Лю, казалось, был крайне расстроен. Увидев, как выглядит комната его старшего сына, он с недовольным видом отвернулся. Входить он не собирался, стоя в сторонке, в нескольких шагах от двери, сложив руки за спиной.

Он, вероятно, метался между двух огней: с одной стороны, надеялся, что Сюань Минь поможет ему поправить фэншуй усадьбы, с другой — хотел выгнать этого монаха, столь же невежественного в человеческих отношениях.

Всякий, умеющий читать настроение, в такой ситуации проявил бы сдержанность, чтобы не усугублять неприятную атмосферу.

Но, увы, этот монах не умел.

Более того — он даже не смотрел на других!

Советник Лю был готов лопнуть от злости.

Он мог стоять где угодно — Сюань Минь не обращал на это внимания. Даже если бы тот отошёл на десяток шагов, это не помешало бы монаху войти в комнату.

Комната Лю Чуна была обставлена крайне просто, совсем не так, как полагалось старшему сыну в доме советника. Скорее, она напоминала помещение для слуги. Всё убранство составляли квадратный стол, два деревянных стула и узкая кровать, которая казалась слишком маленькой для Лю Чуна.

Сама комната была крошечной, как скорлупка, но при этом была разделена перегородкой, отделявшей кровать от стола и стульев, отчего казалась ещё более тесной.

Все вещи в комнате, судя по виду, служили уже много лет — покрытые пылью, потрёпанные, тусклые. Единственным цветовым пятном были повсюду разбросанные жёлтые бумажные слитки.

Сюань Минь наклонился, поднял один из них и осмотрел со всех сторон.

Сюэ Сянь, висевший на другом пальце Сюань Миня, находился ниже, и его «лицо» смотрело вверх, поэтому он мог разглядеть нижнюю часть слитка.

Там были написаны три иероглифа: «отец».

Сюэ Сянь: «...» Что за бессмыслица!

Прокляв, он сообразил, что это не три отдельных иероглифа, а один — «батюшка». Просто почерк у глупца был настолько неуклюжим, что иероглифы расплзлись.

Увидев такой слиток, Сюэ Сянь вдруг понял, почему советник Лю так недолюбливал сына. Писать имя живого человека на погребальном слитке — всё равно что накладывать проклятие.

Хотя, глядя на бесхитрое выражение лица Лю Чуна, можно было предположить, что тот просто играл.

Впрочем, вскоре Сюэ Сянь передумал.

Сюань Минь поднял ещё несколько слитков, и на каждом из них тоже были написаны иероглифы — столь же неуклюжие, распадающиеся на части.

От нечего делать Сюэ Сянь пересчитал: семь слитков, два с «батюшкой», три с «матушкой» и два пустых.

...

Что за странная привычка?

Однако, судя по тем слиткам, что поднял Сюань Минь, Сюэ Сянь смог примерно понять: Лю Чун, хоть и глуповат, всё же умел сортировать. Те, что лежали у двери, вероятно, все были с иероглифом «батюшка» — то есть для отца, советника Лю. Те, что у стола, — с «матушкой». А разбросанные по полу, видимо, ещё не были заполнены.

А те, что у кровати... для кого?

Очевидно, не только Сюэ Сянь обратил на это внимание. Сюань Минь, бегло осмотрев слитки в основной части комнаты, направился в спальню.

Едва переступив порог, Сюэ Сянь почувствовал, как его обдало волной зловещей, могильной энергии, от которой он чихнул.

Лю Чун: «...» ???

Он уставился на бесстрастного Сюань Миня, затем с недоумением перевёл взгляд на его руку, будто не понимая, откуда донёсся звук чихания.

Однако ни Сюань Минь, ни Сюэ Сянь не обратили внимания на действия Лю Чуна. Оба они были поражены густой, тяжёлой энергией инь, исходившей от слитков у кровати, и их взгляды невольно устремились туда.

Сюань Минь, нахмурившись, подошёл и поднял один из слитков.

<http://bllate.org/book/16289/1467765>